

РАССКАЗЫ
ДЖОНА
НИКОЛСОНА.
ИСТОРИЯ
ОДНИХ...

Джон Николсон Рассказы Джона Николсона. История одних...

<https://litres.ru/74390332>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник рассказов Джона Николсона «История одних» — это путешествие на стыке реальности и кошмара, где за привычными фасадами викторианской Англии и древними легендами скрывается нечто зловещее и непостижимое.

В этом мире тени обретают голос, а бездна под холмом наблюдает за вами в ответ. Вы встретитесь с загадочным Баком Нортоном — существом, плетущим сложные интриги, и станете свидетелями того, как обыденность рушится под давлением паранойи и запретных знаний. Рассказы, пронизанные духом классического хоррора и философскими размышлениями о природе зла, войны и человеческого безумия, исследуют границы между наукой и магией, верой и отчаянием, сном и явью.

От мистических видений горящего города и встреч с гостями из иных миров до ужасающих экспериментов под полями фермеров и леденящих душу обрядов — каждый шаг по этим страницам приближает читателя к неизбежному вопросу: что

происходит, когда человек заглядывает за грань дозволенного, и готов ли он к тому, что увидит?

Содержание

Его воспоминания	5
Встреча незнакомцев	8
Тайна господина Айрана	16
Окно в пустой комнате	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Рассказы Джона Николсона. История одних...

Его воспоминания

И станешь ты наблюдателем и свидетелем сего до Судного дня, ибо говорил, что не изменишь себе и мнению своему и не согрешишь ради желанного своего.

Я стоял и слышал ветер на холме, где леса становятся травой, а звери превращаются в маленькие и, казалось бы, беззащитные существа. Дул приятный и слегка утомляющий своей непрерывностью ветер.

Вдалеке виднелся дым. Черный с виднеющимся пламенем дым. Странно было то, что сейчас, когда солнце уже давно ушло за горизонт, а луна что так сияло своим пепельным цветом, был виден этот дым.

Наверное, - думал я. — это все из-за звезд, тех самых звезд, что выстроились в виде креста и светили над столицей, откуда шел дым. Но почему они меня так пугали? Дым, звезды, луна... что такого было во всем этом? Может надежда? Пугающая и страшная надежда на спасение человечества

от чумы?.

Ветер начинал дуть все сильнее и мой плащ, что шуршал под влиянием стихии, чуть не развязался и не улетел. И улетел бы, если бы я не вцепился за кончик плаща, словно тигр на свою, казалось бы, уже скрывающуюся за кустами жертву. И вдруг в этот самый момент, когда мое лицо было повернуто боком к столице, и когда мой взгляд был сконцентрирован на плаще, по моему лицу ударил яркий красный свет. Зрачки сузились от внезапного света, и я повернулся к городу, где к моему взору представилось пламя. Огромное пугающее пламя сжигающий все на своем пути, словно оголодавший иноземец, жадно пожирающий мясо.

Крики, стоны ничего этого я не слышал и не желал слышать. Я лишь смотрел, как две стихии милостиво уничтожали чумной город. Город, где сейчас вместо бушевавшей чумы покоряли к себе огонь и ветер, что так ясно символизировали для одного тепло и надежду, а для другого быстрый и долгожданный возврат домой.

Луна словно стыдясь увиденному скрылась за облаками, и лишь звездный крест на небе пытался хоть как-то обереечь земных жителей от беды показывая себя.

Мой дух, моя душа и мой разум бушевали. Я не мог ничего поделать, а если бы и мог, то как? Ведь я не человек. Нет. Я некая материя, где мой дух для вас будет дымкой, где душа будет казаться вам сферой и разум будет огоньком внутри всего этого.

Но присмотревшись ко мне, вы поймете, что я такой же человек, как и вы, только с других звезд.

Пламя все разгоралось, и уже нельзя было увидеть ни человеческих, ни даже силуэтов зданий и построек, что так усердно возводили люди.

- Мое время пришло. – шепнул я себе под нос и развернувшись, колыхнув своим плащом, ушел в небытие.

Ибо, - подумал я, - Зверь восстал. И узнает весь тот подземный мир после прочтения записей мыслителя богословного, родившийся в Энотрии, что воздвиг царь Итал.

Встреча незнакомцев

Забудь тот театр, куда не хотел идти, и тот спектакль, что не желал смотреть.

Наступало утро и первые лучи солнца, проскальзывая через щели зданий, а после, мгновенно добравшись до моих занавесок, которые были не плотно закрыты, ударили мне в глаза с такой силой, что я сначала не осознал, что за яркий и бесконечный свет врывается ко мне в дом. И это было не мудрено, ведь я половину ночи провел за трудоемкой работой над документами, которые передал мне сам глава нашей компанией, тем самым намекнув на доверие и ближайшее повышение. Но, к сожалению, меня это ни как не радовало, а всё потому, что именно сегодня в мой выходной день мне предстояло встретиться с одним джентльменом, который хотел сотрудничать с нашей компанией. А так как мы нуждались в этом спонсоре, то поэтому отправили меня, как доверительное лицо компании на переговоры.

Неохота вставая с кровати, я для начала проверил сохранность всех документов, что аккуратно лежали у меня в сейфе, а после отправился завтракать. Перелистывая утренней The Times и допивая чай, я как истинный интеллигент, который никогда не опаздывает на встречи, которые могли быть хоть и не интересны, скучны, а иногда и вовсе бессмыслен-

ны, начал собираться.

Открыв большой шкаф, привезенный из Германии в честь памяти о победе на одном из бирж, я стал выбирать рубашку, и так как сегодня была пятница, я по своей традиции выбрал темно-голубую, пиджак же взял темно-фиолетовый и почти такого же цвета брюки. Накинув поверх костюма свое любимое пальто, я с чувством полного удовлетворения сел в кэб и поехал к мистеру Баку Нортону.

Ехать было недолго, и потому я не стал вдаваться глубоким размышлением и вместо них стал вспоминать те слухи, что ходили у нас в кругу компаний, а именно речь шла всё о том же мистере Нортоне, который как говорили, имел необычный вид и, что почти всегда, добивался своей цели. Но дальше мнения людей расходились. Одни говорили, что он, необычайно красив и приятен не только внешне, но и при общении. Другие же, что странен и вовсе не одарен внешностью. Так или иначе, я не стал подробно поддаваться тем слухам и ожидал приезда на место.

Приехав к пятиэтажному зданию фирмы, я вошел внутрь, где после секретарь, походивший больше на дворецкого, отвел меня к Баку Нортону, который сидел в своем кабинете на самом верхнем этаже в ожидании меня. И вот открывая дверь рабочего места, я увидел его.

Нортон сидел в кресле, сложа ногу на ногу, спиной к окну, но солнечный свет не мог пробиться сквозь кроваво-темные занавески и поэтому он, да и сам небольшой кабинет был

окутан некой мрачной аурой. Увидев меня, его глаза блеснули, с небольшой улыбкой на лице он чуть кивнул и жестом руки указал на кресло, стоящее напротив него.

- Вам, наверное, не привычна такая обстановка? – сказал он чуть шепотом и, встав с кожаного кресла, который скрипел всё сильнее с каждым движением, развернулся, как мне показалось на носочке, и резко раскрыл занавески. После чего свет как неожиданный гость, которого заблигорассудили пустить в дом, осветил не только кабинет, но и те черты лица Нортонa, которые я не заметил во тьме.

Оно было худощавым и вытянутым, а скулы что так выставлялись, придавалb вид голого черепа, который был, обтянут, свежей и не естественно гладкой кожей. А глаза настолько выпячивались, что казалось, они вот-вот выпадут из глазниц. Но самое интересное, что было в его образе это голос, который никак не подходил к его внешности. Для сравнения можно было взять трагическую сцену из оперы *Роберт-дьявол* где главный герой стоит перед важным выбором, и где сама атмосфера напряжена, но оркестр играет совсем иную музыку – противоречащую и не подходящую по смыслу. Может та музыка и была также трагична, но она не попадала под те такты, что играли актеры. Так и здесь, его голос не вписывался ни только в образ самого Нортонa, но и в самую предстоящую обстановку.

Одет же был он не совсем официально: укороченные широкие штаны светло-коричневого цвета, темно-лаковые

туфли из-под которых были видны длинные оранжевые шерстяные гольфы, белая рубашка с узким бордово-фиолетовым галстуком, завязанным виндзорским узлом, а также темно-желтый жилет, явно сделанный на заказ.

Образ Нортон был весьма необычен и слегка вызывающим.

И в такой обстановке мы начали беседу. Сначала Нортон спокойным и монотонным голосом стал пояснять мне значения своей фирмы и что если она будет нас финансировать, то в недалеком будущем может стать частью нашей компанией. После разговор шел о прибылях и развитиях наших отношениях, и именно здесь мистер Нортон, по актерский размахивая и вырисовывая в воздухе диаграммы, стал уже более четче и красочней объяснять мне значения сильного влияния на нас с благополучной точки зрения.

Он расхаживал из стороны, в сторону неприметно держа, что-то в руке, в то время как я спокойно сидел, смотрел на его походку, на его движения и слушал его хорошо выстроенные предложения. А когда его рот пересыхал и губы начинали чуть трескаться, то он быстрым шагом подходил к графину с водой, что стоял на рабочем столе, и торопливо наливал ее в чашку, а после жадно глотал. И было такое чувство, что мистер Нортон вкладывал всю свою силу и невиданную энергию для того, что бы поразить не только меня одного, но и целую невидимую публику людей которая с торопливостью ждала когда он допьет последние капли воды что оста-

вались в чашке.

И вот произнося последнее слова, Бак Нортон тяжело вздыхает и с изнеможением падает в кресло, после чего по всему кабинету раздаются глухие скрипы. Мы оба сидели и приходили постепенно в себя.

-Всё вами сказанное будет передано нашему главе компании. – сказал я и тут же начал собираться уходит, как вдруг поймал на себе удивленный взгляд мистера Нортон.

-Как же? – чуть не задыхаясь, спросил он, подходя к рабочему столу, на котором стояла небольшая вазочку, где был нарисован некий сюжет о древнегреческом боге Плутоне, и кладя в нее кипарисовую ветвь.

В этот момент по моему телу пробежала дрожь, а руки тут же стали холодеть и казалось, что внутри меня стало зарождаться нечто ледяное и омертвевшие.

-К сожалению, не я решаю, кого принимать, – сказал я, пытаясь не смотреть в глаза господина Нортон, ибо не только его зрачки были направлены на меня, но и сами белки как бы пытались сдавить эти маленькие зеница ока для того, чтобы не дать мне спрятаться от их поле зрения.

Медленно, но, верно, я стал подходить к двери, и, когда моя рука коснулась гладкой и теплой ручки, то за спиной слышался скрип дивана, а после прощальные слова, в которых ясно прослеживалась нотка некой гневной надежды на новую, но уже не такую позитивную и долгожданную встречу.

Уже выйдя из фирмы, я передохнул и решил пройтись до своего дома заодно поразмыслить над тем, почему я так испугался Нортонa. Но на протяжении всего пути в мою голову не приходили разумные или хотя бы трезвые мысли, которые могли объяснить мое тогдашнее состояние. За всю мою рабочую практику я не был ни разу напуган чем-либо (если не брать в расчеты мои первые месяцы работы)! Я без всяких на то вопросов выполнял любую работу, были ли это поездки за границу или трудоемкие работы над многочисленными документами мне было всё равно! Я медленно, но, верно, шел на повышение и меня это устраивало.

Но вдруг ко мне пришло осознание того, что я не могу вспомнить, как и при каких обстоятельствах, мне дали это поручение и кто мне назначил встречу с Баком Нртоном. Я не помнил вчерашний день.

Сердце бешено колотилось, дыхание захватывало, а со лба медленно скатывались капли пота прямо в глаза, щипля и мешая ориентироваться по сторонам.

Но попытавшись взять себя в руки, я быстрым шагом направился домой, попутно пытаясь поймать кэб.

Добравшись кое-как до дома, я вошел в спальню, и лишь сняв и отбросив пальто в сторону, намертво упал на кровать и стал медленно погружаться в сон.

На следующий день я проснулся ровно в полдень и так как у меня были выходные, то я не спешил звонить в компанию и назначать встречу с главой по поводу вчерашнего дня. И

поэтому, переодевшись и направившись на поздний завтрак, я взял свежую газету и, откинувшись на стул, стал попивать чай и читать статьи, где после нашел странный и слегка пугающий заголовок: Сумасшедший на стройке дома у Грэндлин-стрит 6. А пугающим было то, что именно по этому адресу у меня и была встреча с Баком Нортоном, где я провел половину дня.

Быстро пролистав страницы, я нашел следующие строки: ... Вчера на стройку одного из домов пришел незнакомец и, не обращая никакого внимания на предупреждения строителей, вошел внутрь еще не до конца построенного здания, а после поднялся на пятый этаж, где был лишь выложен пол и ничего больше. Как говорили очевидцы соседних домов, незнакомец сидел на стуле и беседовал сам собой....

Дальше у меня не хватало сил читать до конца. Я находился в неистовстве и ярости.

Решив, что это чья-то злая шутка и быстро одевшись, вышел из дому и сев в первый попавшийся кэб доехал до Грэндлин-стрит 6, где обнаружил недостроенное здание.

Я стоял и смотрел на это, не понимая, как такое могло произойти, но тут краем глаза заметил темный плащ, проскользавший сквозь толпу, а после завернувший за угол одного дома. Без каких-либо раздумий я направился за ним и наткнулся на высокого джентльмена в плаще стоящий ко мне спиной.

- Я в вас разочарован. – сказал тот, и я сразу осознал, что

передо мной стоит Бак Нортон.

Он обернулся и на нем теперь не была та вызывающая одежда что была в первой встрече напротив он был одет в строгий черный костюм, поверх которого был накинут плащ. Нортон продолжил:

- Я думал, что ваша компания поможет изменить этот Мир, но, похоже, вы справитесь и без моей помощи, если в ней работают такие же, как вы.

- О чем вы говорите?

- Вы прекрасно понимаете меня, если это вы, а я знаю, что именно вы работаете ради должности и денег, не обращая внимания на то какие последствия будут после ваших доделанных работ, которые дает вам глава компании. Вы желаете лишь сделать и забыть. И поэтому, как вы понимаете, о вас будут идти не самые положительные слухи в отличие от меня, где слух обо мне — это сохранения моего образа в рассудках людей и общества. — Нортон немного помолчал, а после добавил, - Если бы вы тогда слушали мои теории без призрения и некого отторжения, то я оставил бы вас в покое. Но теперь вы станете частью той человеческой силы, где для вас будут необходимы вымыслы и домыслы для того, чтобы существовать.

Он развернулся и пошел прочь от меня вглубь темной, пустой и узкой улочки. И лишь треск зашторившихся занавесок заполнял эту неловкую и слегка пугающую пустоту.

Тайна господина Айрана

Творец – созерцает, тогда, как его второе я – разрушает.

I

На улице стало холодать, а с серого неба медленно спускались белоснежные снежинки, постепенно заполнявшие пространство на крышах домов, балконов квартир и лестничных площадках. Но они редко доходили до земли, поскольку непрерывный поток людей и экипажей притягивали, сами того не зная, к себе, на свою серую одежду, белый небесный пепел.

А господин Бак Нортона, в отличие от остальных граждан этого города, не веял желанием куда-то торопиться, и потому его неспешная походка очень часто останавливала некоторых нетерпеливых людей, которые, как и Нортона не обращали друг на друга никакого внимания, дабы не вызывать еще большую неприязнь.

- Господин Нортона! – радостным голосом выкрикнул молодой человек в темном пальто и зонтом-тростью в руках.

- Доброе утро, мистер Жерар, - приподнял Нортона свой котелок, а после крепко пожал руку юноше, - Я как раз на-

правляюсь на выставку.

- Очень рад это слышать. Но Вы не опоздаете на поезд?

- Не беспокойтесь, у меня будет достаточно времени, чтобы оценить Ваше творчество.

- Благодарю сэр.

По пути Нортон вместе с Жераром, встретили еще пару джентльменов, которые, как и они, спешили на выставку, чтобы первыми увидеть новые и старые произведения искусства.

Двери открылись и теплый, своей весенней атмосферой свет, полился на лица пришедших.

- Кстати, - прервал Нортон от восхищения Жерар, - во втором зале присутствуют коллекционные картины господина Айрана. Кажется, Вы ведете с ним переписку?

- Именно так, - не оборачиваясь на Жерара, с таинственной ноткой произнес Нортон и направился во второй зал. Он был не таким большим как остальные, но изобилие портретов, пейзажей всех времен года и исторических баталий было в изобилии.

- Сэр? – спросил Жерар, заметив, что его друг неподвижно смотрел в сторону одной картины. Взгляд Нортон рождал одновременно неистовое удовлетворение и толкающую в пустоту отвратность.

- Раньше Айран не присылал подобное.

- Верно, - согласился тот, медленно подходя к полотну: мрачно-черное небо без цветового перехода, касалось

светлой земли, на котором произрастали чудные формой и окраской растения. Но, а в чернильном небе, как наблюдал Нортон, вырисовывалась рукоять кинжала без лезвия. И если присмотреться внимательней к земле на горизонте, что и сделал Нортон, можно заметит, как из нее словно фонтаном в разные стороны летят клочки грязи, будто невидимое острие кинжала вонзилась в землю.

- Может, - начал Жерар, - господин Айран невольно осознал, что новые течения в искусстве будут более востребованы, и потому он решил выставить напоказ вот это.

- Такой как он, не стал бы ради выгоды изменять своим принципам. Да и к подобному течению у меня свои взгляды.

- Правда? И какие?

- Они, - показывая на *странную* картину, начал Нортон, - хотят придавать смысл бессмысленному и создавать странные, непонятные, кроме них самих, воображаемые вещи - картины, архитектуры, письма, в которых происходит хаос творца, и где он царь и Бог своего творения. И именно этим творением он правит и ничем более. Да, есть те кто понимает и чувствует создателя и пытается найти скрытый замысел в *его* искусстве - искусстве, где нет смысла, а есть лишь подобие *ему*, не несущий ни добра, ни зла, не создающий ни прогресса в будущее, ни деградацию в прошлое. Оно стоит на месте и привлекает к себе подобных себе, не делая им или себе никакого одолжения. И те, кто по собственному желанию или же по истечении обстоятельств остался в этом ис-

кусстве, создают иллюзию смысла в бессмысленном, проживая и прожигая свою жизнь и свой талант.

В зал, как и на улицу, подступал холод и из-за этого Жерар попросил перейти в другое крыло, где людей было больше, как и самих картин.

- Простите, но, похоже, что мой поезд скоро будет отбывать.

- Ах, - вздохнул Жерар, - тогда позвольте мне задать Вам один вопрос?

- Пожалуйста.

- Я знаю, что Вы давно следите за деятельностью мистера Айрана, но почему именно сегодня решили посетить его? Ведь Вы могли сделать это еще несколькими месяцами назад, когда он выставлял свои произведения в Париже. Тогда был огромный ажиотаж вокруг него.

- Тогда он не выставлял подобное на показ, - чуть ли не сквозь зубы произнес Нортон. – Я ценю его талант находить редкие произведения и договариваться об их покупке по приемлемой цене, но, как Вы знаете, что я не только тонкий ценитель искусства, но еще и психолог. В переписке за последнюю неделю я наблюдал у Айрана странное, параноидальное поведение. – Нортон на секунду замолк. – Тем более, я приеду к нему под его же предлогом, а именно пригласительное письмо, и мне не стоит ничего выдумывать для приезда и осмотра его состояния.

- Так Вы хотите ему помочь?

- Да, - но в голове Нортон пронеслась мысль совсем об ином.

После прощания с Жераром и посадкой на поезд, Нортон решил половину дня провести в ресторан-вагоне, где он обдумывал последующий план своих действий.

- Добрый день сэр, - обратился официант. – Кофе, чай?

- Кофе пил всего раз в жизни, а потому, пожалуйста, чай.

Пейзаж с лесами из белых хлопьев постепенно сменялся в серый оттенок полей и лугов, покуда холод со своими законами еще не добрался и ожидал момента.

II

- Вы, сэр, из каких краев к нам прибыли? - с любопытством и неким нетерпением, спросил доктор Руд, удобнее усаживаясь в тильбюри¹.

- Я родился в Англии, но большую часть жизни провел в Европе, - ответил тот, рассматривая доктора. Его лицо было похоже на худощавую, вытянутую мышиную морду, где между переносицей красовались округлые очки, - Надеюсь, что я не побеспокоил Вас.

- Нет, ну что Вы, - улыбнулся Руд, аккуратно управляя упряжкой. - Наш городок настолько мал, что в нем ничего не происходит, даже обыкновенные простуды здесь практически не наблюдаются, и это я уже не говорю о средних тяжестей болезнях или, не упаси нас Бог, лихорадках, - доктор

повернул голову в сторону и осмотрев серый, осенний пейзаж, продолжил. - Знаете, за десять лет моей практики, а я побывал в не малых местах, скажу Вам, мистер Бак Нортон, одно - это самое спокойное в Мире место. И хотя на данный момент мою работу занимают лишь небольшие ушибы или раны моих пациентов, я рад, что живу в таком городе.

- И сколько Вы здесь живете? - без какого-либо интереса спросил Нортон. Но услышав свой безэмоциональный голос, исправился с ироничной улыбкой и ноткой в голосе. - Я имею в виду, что Вам не жалко вашего потраченного времени на обучение в Академии, а после нескольких лет пополнения опыта, который пригодился бы и в других местах кроме этого?

Доктор Руд, насколько это было возможно, посмотрел на Нортон удивленным и в тоже время опечаленным выражением лица, где можно было прочесть "да, Вы правы".

- Простите, я не хотел Вас...

- Все в порядке, не волнуйтесь, - поспешно перебил доктор, не вызывая в своем голосе обиду.

На протяжении всего оставшегося пути, дорога была ровной, а пепельно-желтое окружение – тихим. И лишь изредка вдали слышались вороньи крики и стук дятла. Но и они утихали под громкий хруст засохших листьев под колесами.

- А вот и наш городок, - воодушевленно выдохнул доктор.

Город, как и говорил Руд, не был похож на другие кому-либо знакомые, шумные и порой душные места прожи-

вания. Этот не выделялся ни торговыми красками, ни фабриками и заводами, коих здесь не находилось. Вместо этого на просторной равнине стояли только трехэтажные каменные постройки отличавшимися вырезанными мифическими фигурами в стенах, а в центре архитектурного бытия возвышалась башня с острым наконечником и огромными часами, которые смотрели на все четыре части света.

- Вы не поверите, но ни у одного жителя нет в домах настенных или напольных часов, - неожиданно продолжил доктор, - потому как из любой точки, можно увидеть нашу городскую башню, - размер и величие и вправду впечатляли мистера Нортон. - Простите, но я не особо понял Ваш визит в наши края.

- Картина, - не оборачиваясь на доктора, кратко объяснил он.

- А, - радостно воскликнул Руд, - все верно. Знайте ли, господин Айран не особо пристрастен к беседам, да и в общении в целом, если это не касается искусства, и потому, когда он попросил меня встретить Вас, я, конечно же, задал вопрос по какому поводу тот господин желает посетить наш чудный городок, Айран лишь намекнул, хотя я бы скорее сказал, отрезал своим кратким ответом, о том, что господин Нортон желает приобрести картину неизвестного художника, - доктор плавно свернул влево на широкую улицу, где по обе стороны стояли различного рода магазинчики и небольшие лавки, вокруг которых собирались горожане.

- Я переписывался с господином Айраном, и он, в одних из своих высказываний по поводу того полотна, заинтересовал меня.

- А что за высказывание? – спросил доктор, на что Нортон задумчиво улыбнулся.

- “Это мрачное зрелище поразило меня своей атмосферой, где безукоризненно содержит в себе чарующую изменчивость импрессионизма и пугающий конец реализма под гнетущим натиском беспощадного модернизма”.

- Я не ценитель данного искусства, но уверен, если такое написал Айран, то Вам эта картина наверняка вольется в душу, - с улыбкой энтузиаста, произнес тот.

- Не дай Бог, - прошептал Нортон так, что доктор ничего не услышал.

Господин Айран проживал на окраине города в двухэтажном кирпичном доме огороженный черной оградой. И этот цвет, как показалось Нортону, делал огромный акцент на задний план: зеленую пустошь, сплошь покрытую бесцветностью и унынию.

Нортон и Руд без лишних слов подошли к двери и, постучав пару раз, ожидали хозяина особняка. Ждать пришлось не долго.

- Господа, добрый день. Прошу заходите, - со сдержанной радостью прибытия гостей пригласил их Айран – статный мужчина шестидесяти лет, - Я надеюсь, доктор Руд показал наш город, - проходя в гостиную и указывая на два ря-

дом стоящих кожаного кресла цвета вечернего заката.

- Да, - усевшись удобнее, Нортон неспешно начал рассматривать просторную комнату: по всему полу простирался персидский ковер с незамысловатым рисунком, посередине комнаты располагался круглый стол из красного дерева, на котором стоял графин с водой и двумя чашами, а напротив него у стены – камин, на котором лежал предмет похожий на рукоять кинжала, а рядом с ним маленькая африканская урна. Но больше всего Нортону поразило обилие картин на стенах – начиная от обычных натюрмортов и заканчивая историческими сюжетами.

- Это лишь малая часть моей коллекции. В основном я отдаю эти произведения искусства в музеи или частные выставки.

- А у вас есть другие произведения искусства? – с интересом спросил Нортон.

- Вы знаете, до войны я собирал исключительно живопись, но после, меня также заинтересовали древние урны, посуда времен ренессанса и другие исторические предметы искусства.

Руд сидел и, как это свойственно многим докторам, наблюдал за беседой, как за обсуждениями об истории болезни одного пациента.

- Я так полагаю Вам уже не терпится взглянуть на картину? – спросил Айран, на что Нортон отрицательно повернул головой и добавил.

- Мне бы хотелось услышать историю о том, как Вы, сэр Айран, предали немалое значение после войны к вещам имеющие историческую ценность,- после этих слов доктор Руд неодобрительно взглянул на Нортон и, по выражению его лица, он явно хотел остановить беседу, или же сменить тему, но Айран прервал его попытку кратким “если Вы желаете”.

- И надеюсь, что Вам тоже пришлось пережить нечто подобное, - с нотками грубости сказал хозяин дома.

За окном неспешно разгонялся ветер, поднимая с земли сухие листья.

- После того, как мы разбили афганское войско, - с тяжестью продолжил тот, - и взяли под контроль Кандагар, Дакку и Джелалабад, нас, под командованием генерала Бэрроуза, отправили к Аюб-хану, что со своими бойцами направлялся в Кандагар для контратаки. Но нам пришлось отступить, и именно тогда, меня ранили и схватили в плен. Они держали меня в прогнившей яме, в то время, когда юноши в Майване отдавали свои жизни, бежав прочь от этих извергов, - его голос чуть дернулся.

- Но Вы спаслись, - спокойным тоном сказал Нортон. – И в этом помог тот предмет, - он взмахнул рукой и указал на рукоять кинжала, что лежал на камине, и на что Айран лишь покосился на тот предмет. – О Вашем удивительном спасении узнал не только Ваш полк, но и обычные гражданские. – Айран молчал, не смотря на Нортон, а доктор чуть согнувшись, внимательно слушал. – Местные жители, когда

Вы нашли эту реликвию, избегали Вас, а пленители и вовсе отпустили на волю, дабы проклятие не задела их. — После этого Нортон оголил свои зубы в мрачной, как показалось всем присутствующим, улыбке. — Но, как известно мне, оно не приносит никакого проклятия.

- Откуда Вы знаете?! — возбужденно воскликнул Айран, привстав с кресла.

- Господин Руд, - обратился к нему Нортон, - рассказывали Вам Айран, при каких обстоятельствах он нашел, то полотно?

- Случайно, - с растерянной улыбкой произнес тот, - на чердаке. Вроде несколькими неделями назад? — обернулся доктор к Айрану, но тот ничего не ответил. Его лицо мрачнело с каждой секундой. Казалось, что вся злость и ненависть, накопившееся за все годы жизни, вырвется и поглотит сидящих гостей, особняк и весь город за одно мгновение.

III

Поезд постепенно начинал останавливаться, а пассажиры неспешно готовились к выходу на свежий, прохладный и слегка щиплющий нос воздух, хотя зима была весьма далека от своих владений. Нортон вместе с вышедшими людьми направился в небольшую *промежуточную* станцию, откуда незамедлительно сел в двухместный кэб, где на одном из мест сидел кучер, и направился в пригород.

- Нечасто встретишь гостей, которые так сразу покидают город, - начал неспешным тоном беседу кучер своим хриплым, толи от простуды, или же от чрезмерного курения, голосом.

- Почему же? – сделал удивленный голос Нортон. – Я слышал от моего давнего знакомого, что у Вас селится немало людей.

- Ох, когда это было?

- К примеру, - задумался он, - после Афганской войны.

Кучер кивнул.

- Живет у нас здесь один старик. Как раз после войны и поселился в наших окраинах. Говорят, что он был в плену и чудом оттуда сбежал.

- Вот оно как, - задумчиво произнес Нортон. – А вы бы не могли отвезти меня сразу к нему?

Кучер неодобрительно взглянул на своего пассажира, после чего пару раз кивнул.

- Но предупреждаю Вас, сэр. Он чудаковатый. После пережитого, с солдатами подобное случается, я сам видел. Но тот человек, сильно отличается от них.

Большую часть пути они ехали молча, лишь прислушиваясь к звукам природы и оглядывая ничем не приметные глазу местности, кучер позволял себе ностальгию и рассказывал короткие отрывки из своей жизни.

Тучи на небосводе вновь сгущались в темные краски и, оставляя небольшое пространство для солнца, лучи проры-

вались через атмосферу и достигали пригородные дома, чье количество можно было сосчитать по пальцам.

- Дом того господина вон там, - протянул палец кучер к одинокому каменному дому, чье присутствие там могли занимать только призраки.

- Остановите здесь.

- Как скажете. Сэр.

Расплатившись с кучером, Нортон направился к дому. Тропа, да и вся местность, напоминала бесплодную почву.

- Прямо как в Кандагаре, - и эти слова ветром донесли до дальнего дома, из которого показывался выходящий человек. Он стоял на месте и ждал, когда Нортон придет к нему. Этот человек, думал Нортон, зашел слишком далеко, что не уйдет от своей судьбы. Но, если он страшиться перед своим будущим, перед ним – Баком Нортоном, то напрасно.

- Добрый день, - поприветствовал мужчина в возрасте с седой бородкой и усами. – Чем могу быть обязан?

- Не думаю, что этот день можно назвать “добрым”.

Мужчина понимал, кто перед ним и поэтому не торопился впускать в свой дом.

- Так вот Вы какой, - с оценивающим взглядом произнес мужчина. – А я представлял Вас совсем по-другому.

- Приношу свои извинения, что не оправдал ожидания.

- Нет, - прервал тот, - как раз таки и оправдали, ведь Вы нашли меня, как того юношу, что сейчас находится в больнице для душевнобольных.

- Вы следите за моей деятельностью? – ничуть не удивился Нортон.

- Я? Упаси Вас. Нет, к счастью для этого есть газетные колонки, а догадать, кто не составляет и труда, сэр.

- Его последующее повышение, а также деятельность в будущем помешало бы мне. Ведь у вас, военных, называется это тактическая атака, не так ли? – с ухмылкой спросил Нортон.

- Делай, то, что задумал.

- Господин Айран, - отвернул Нортон голову в сторону ле-са, - неплохой человек по сравнению с Вами, - а после вновь посмотрел на мужчину. – Я хочу знать, кто распускает обо мне слухи. Вы здесь недавно, поскольку прошло десять лет после войны и жили скрытно, так что знать о моих похождениях Вы не могли.

По лицу мужчины Нортон видел страх и сияние надежды с притиркой подозрения в глазах.

- Мы с Вами похожи, - продолжал Нортон. – Не так ли? – но мужчина молчал. – Собирайтесь, нас ждет долгий путь.

- Куда? – устало спросил тот.

IV

Господин Айран, стоя у камина, нервно вдыхал воздух, и его гнев сменялся потерянностью в глазах. Он не находил место, куда положить свой взор.

- Вы пришли не за картиной, - прерывисто выдохнул Айран, опустив голову.

- Нет, но она и кое-какие другие факторы привели меня к ВАМ, и я имею в виду не одного человека, а двух. Он, кстати, - Нортон вытащил карманные часы и, отдалив их, продолжил, - как показывает время, стоит за дверью вашего дома.

Айран резко ухватился за камин, чтобы не упасть от мимолетной слабости в теле.

- Не волнуйтесь Вы так, я ничего с вами не сделаю просто, предложу сделку. Ведь он подобрал все самые лучшие качества от Вас, в том числе военное дело и живопись. И последнее так сильно, что начал сам писать картины. Хотя те правосудные, как он считает, убийства, что совершил за последние десять лет, никак не оправдывают его. – После этих слов Айран выпрямился, попросил доктора Руда (которого почти не замечали об его присутствии) принести воды и затем сделав пару глотков прохладной воды, сел обратно в кресло.

- Чего Вы хотите?

- Забрать его, - указал Нортон в коридор, откуда они вошли в дом, - и рассказать мне о человеке, который поведал о моей личности.

- Да, конечно. Но можно спросить?

- А мы разве куда-то торопимся?

- Как Вы нашли нас?

-Я не искал вас. Мне нужен был тот кинжал и по слухам он должен был находиться в Афганистане. И хотя война усу-

губляла мои поиски, я все-таки смог найти нужную деревню, но оказалось уже поздно. И так как кинжал уже исчерпал свои силы, дальше мне по слухам местных и не очень пришлось искать вас, но как уже ясно все было четко. И тогда я начал продолжать поиски по всей Великобритании. И тот человек, что сейчас в ожидании на свежем воздухе пытался убить меня.

Айран внимательно выслушал Нортонa и, кивнув, рассказал о человеке, что приходил к нему десять лет назад.

- Благодарю, господин Айран, - пожав ему руку и мельком взглянув на доктора.

- Я, - снял очки Руд, - немало похоронил тайн. – Он замолчал. – Абсурдных и странных.

- Надеюсь, что Вы подумаете над моими словами, что были сказаны по пути сюда - Нортон собрался уходить, как вдруг резко замер в паузе размышлений и повернулся к Айрану, что устало сидел у камина. – Можно мне взглянуть на ту картину?

Комната была маленькой. В ней не было мебели и других вещей, что могли отвлечь созерцателя перед созданием. В центре комнаты стоял мольберт с портретом человека, чье лицо отражалось в волнистой воде и наблюдало за пределами границ водной глади, будто что-то отыскивая в темных глубинах.

- Раз в месяц, - не отрываясь от картины, заговорил Нортон, - он тайком забирался в ваш дом и оставлял свои напи-

санные картины. Сначала Вы раздражались из-за этого, потом недовольство перешло в гнев потому как Вы не могли создать нечто такое, что могло бы отличать обычного коллекционера от остальных ценителей искусства. Но после неудачных копий Вы смирились и позволили себе, как и ему, выставлять эти полотна на показ.

Нортон, еще немного посмотрев на картину, развернулся и пошел к выходу, где его ожидал новый спутник.

V

- Засада! – выкрикивал разведчик, возвращаясь к конному полку и пытаясь вытащить винтовку из-за спины. – Они уже здесь... - и, не успев договорить, молодого солдата достигла афганская пуля.

- Дадим бой? – растеряно спросил Айран, пытаясь верхом удержать лошадь, главнокомандующего Бэрроуза.

- Не-е-т! – словно затяжным пушечным выстрелом, ответил Бэрроуз. – Отступаем!

Со всех сторон слышались выстрелы, но противника нигде не было видно. Айрану на секунду даже показалось, что не афганца, а не видимые призраки открывали по ним непрерывный огонь. Пули свистели так близко, что казалось они, достигали своей цели и мгновенно вылетали из тела, но вместо этого лишь отдирали обрывками одежду вместе с еще теплой кожей.

- Бэрроуз! – кричал Айран. – Быстрее скачите в крепость! Мы постараемся прикрыть Вас! – и в этот самый момент лошадь Айрана вскочила на дыбы и тут же рухнула, придавив своему наезднику ноги. Но Айран не растерялся и, отмахивая рукой, чтобы остальные не тратили на него времени и отступали прочь, дотянулся до винтовки и открыл огонь.

Истратив все патроны, он обернулся и убедился, что позади него никого нет, кроме иссохшей пустоши. Навзничь упав на землю Айран, смотрел на голубое безоблачное небо, постепенно под пуштурские[2] голоса теряя сознание.

Айран чувствовал сильную тряску под спиной, но одолевшая его слабость и боль в боку не позволяли ему открыть глаза и потому он вновь провалился в неизбежный сон морфия.

- Эй, встэвэй брэтэнэц! – послышался молодой, но грубый голос где-то свысока.

И после двух слов с ужасным акцентом, тут же неожиданно на Айрана окатили ледяную воду, которая почти мгновенно вывело его из глубин снов. Но встать из-за боли в правом боку ему так и не удалось, и потому лишь сев на мокрую землю и осмотревшись, Айран, осознал, что он находится в глубокой яме над открытым небом.

Когда глаза немного привыкли к темноте, Айран обнаружил, что его ноги прикованы в кандалы, а руки просто были связаны веревкой, от которой он с легкостью избавился. Оглядевшись вокруг, Айран высчитал, что ширина ямы бы-

ла чуть больше шести футов, а высота превышала пятнадцать или того больше...

Целый день он провел сидя на холодной земле, иногда с трудом прохаживаясь по кругу, и прислушиваясь к голосам наверху. И как после понял Айран по крикам детей и голосам женщин и стариков, он находился в деревне. Вечером ему сверху кинули наподобие одеяла из шерсти и кусок хлеба, но за всю ночь он так и не притронулся к еде.

“Надеюсь, - думал он, глядя на звездное небо и неподалеку стоящего афганца, - Бэрроуз добрался до города. И что там вообще происходит?”.

Настало утро. Внизу все еще было холодно, и потому Айран решил не сидеть на месте, а похрамывая как-то согреться. Так прошел еще один день пока на третий ровно в полдень не послышались выстрелы. Айран взглянул наверх и увидел мелькающие головы, которые в спешке куда-то бежали. Крики и выстрелы длились не долго, а когда все затихло, сверху показался человек и выкрикнул что-то на своем языке, стащил вниз мертвое тело.

Айран посторонился, но рука мертвеца ударило его в голову, что того навзничь повалило на землю. Это оказался убитый молодой офицер. Его глаза еще были открыты, а из груди все еще сочилась кровь.

- Война – это Ад, - прошептал Айран и провел ладонью по глазам офицера.

Немного погодя пленник собрался с мыслями и с силами

для похорон своего собрата по оружию.

Он просто копал. Ногтями, врываясь в землю, а душой в молитву.

- Ах, - отдернул руку Айран. – Что это? – в земле показалось острие стекла. Аккуратно выкопав вокруг, он увидел, - Кинжал?

Рукоять была сделана из дерева и металла, что узором покрывал ее вокруг, а само лезвие являлось крепким и острым стеклом. Айран, не задумываясь о происхождении чудного артефакта, спрятал его за пояс и, убедившись, что могила просторна, начал перетаскивать тело и закапывать его.

День вновь клонился к вечеру и изнеможенный пленник, ясно понимая, что его уже держат, как смертника, готовился ко сну. Ему снился странный город, где вокруг обитали ди-ковинные существа и люди разной национальности. Он шел по дороге прямо к высокой башне в сопровождении стражи до тех пор, пока перед ним не предстала исполинская дверь, ведущая в высокую старинную башню.

Дверь отворилась, и в его глаза ударил яркий голубой свет.

- Мистер Айран, - эхом звучал голос. – Вы невольно стали частью забытого. Частью нашего Мира, а посему предлагаю выбор между жизнью смертного или жизнью подобного нашей, но взамен обязан будешь изменить людской Мир ради их блага. Как ты это сделаешь – неважно.

Голубой свет начал медленно потухать, окружая Айрана

тьмой.

- Айран, - кто-то толкнул его. – Готов к сделке? – голос был до боли знаком. Сонно и непонимающе он открыл глаза и увидел...

Самого себя.

1) Тильбюри́ — лёгкая открытая двухколёсная карета, с крышей или без, разработана в начале XIX века лондонской фирмой «Тильбюри», занимавшейся производством карет на Маунт-стрит.

2) Пуштú — язык пуштунов, один из восточно-иранских языков. Является официальным языком Афганистана и некоторых регионов Пакистана.

Окно в пустой комнате

Наступал вечер. Я сидел у окна и смотрел, как последние лучи солнца скрывались за кирпичные трех и четырехэтажные дома. А внизу по своим домам расходились прохожие и они не спешили так, как например, в Америке, где каждый джентльмен хоть и извинялся за столкновения с другими прохожими, но все же не пристойно и грубо пытался пробиться сквозь толпу. Англичане же (то есть мы) напротив, не спеша и даже как мне казалось, размеренно шагали, словно их всю жизнь только этому и учили. Также некоторые из них приподнимали котелки в знак приветствия тех, кого так и не встретили за такой длинный и утомительный промежуток времени. И хотя только мне казалось, что день был утомительным, я был в неплохом расположении духа. А все потому, что я встретил одну очень интересную особу, которая ехала в кэбе с большой шляпой и улыбнулась мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.